

— март 1964 г.

КАРТИНА ЭКСПОНИРУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Вчера исполнилось 90 лет со дня рождения художника Николая Константиновича Рериха. В Музее искусств народов Востока открылась выставка работ художника. На выставке собрано около 150 его произведений, рассказывающих о жизни художника, путешественника, ученого, писателя. Картины собраны из московских и ленинградских музеев, а также из частных собраний. Здесь и ранние работы, повествующие истории древней Руси, этюды и более поздние, рассказывающие о Монголии, Индии. Некоторые картины экспонируются впервые. Вот одна из них: большие, со снеговыми шапками синие ели, крохотная деревянная хижина, вдали река и снег, слегка отливающий зеленым. Рассвет осторожно пробирается сквозь голубой воздух зимней ночи. А в центре — человек в скромном монашеском одеянии обрубает ветви у сваленного дерева. Картина называется «Груды Сергея Радонежского». Сергей Радонежский известен нам, как основатель Троице-Сергиевской лавры, замечательного архитектурного памятника старины.

В 1957 году Ю. Н. Рерих, сын художника, вернувшись из Индии, привез с собой много картин и этюдов своего отца, которые по завещанию Николая Константиновича Рериха должны были вернуться на родину. Вместе с другими вернулась на родину и картина «Груды Сергея Радонежского».

Н. ОСМИНИНА.

Лодина — московская группа от 1022 — 1964

стов — страшный курильщик, а своей излюбленной трубки, куривая сто пятьдесят граммов мало бы кого интересовали, горючих использовать Вильсонову ции.

руководителями своей партии и, Гарольд Вильсон настолько непогашенную трубку. Из кардым. Собеседники Вильсона шь!». Кто-то из них даже сорно все закончилось благополучной дыры, выжженной в карта-

жидавшихся в лейбористской новостей, сфотографировал аганду ухватилась за происшествие божие». Небезызвестная извительной символике, писала: На дым валит, потому что лей-

о горит — лейбористы или коммунисты можно будет сказать,

С. ГОРСКИЙ

В ДЕНЬ СВОБОДЫ

ПИСЬМО ХУДОЖНИКА

Д. А. СИКЕЙРОСА

«МОСКОВСКОЙ ПРАВДЕ»

День свободы пришел 13 июля 1964 года. Выдающийся мексиканский художник коммунист Давид Альфаро Сикейрос покинул камеру заключения тюрьмы Лекумберри, где он провел почти четыре года. Замечательный гражданин своей страны, художник мировым именем, Сикейрос был арестован за так называемый «подрыв социального порядка». На самом же деле кое-кому в Мексике пришли не по вкусу его страстные выступления в защиту бастующих рабочих. Художник был брошен за решетку.

Мексиканцы, мировая общественность решительно требовали освобождения Давида Сикейроса. Неоднократно в защиту художника выступала и наша газета. А когда для Сикейроса наступил день свободы, «Московская правда» от правила замечательному гражданину Мексики поздравление.

На днях из Мексики пришел ответ. «Мне было приятно,

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Леонид АНДРЕЕВ

Р
наши публикации

ЕРИХОМ нельзя не восхищать ся, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постолку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожи-
данная, всегда радующая глаза и душу.

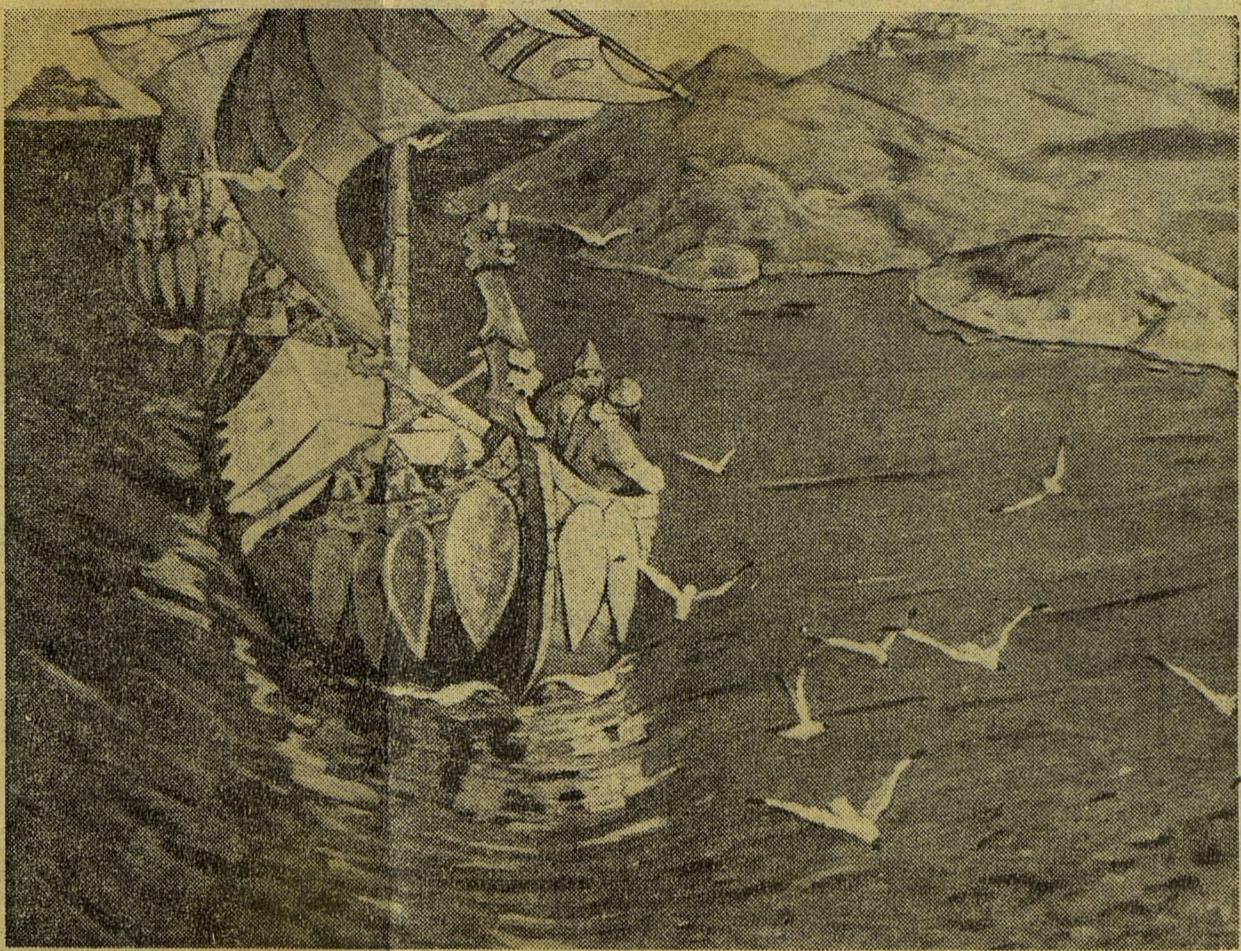
Видеть картину Рериха — это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и ни где, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что снятся лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любят профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотою.

И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих открытий; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!
Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, кой он единственный царь и правитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары, с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно посмертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображеный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

«Домик Сольвейг».

«Заморские гости».

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в своем мире и не покидает его.

Даже там, где художник создает себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому Пер Гюнту, — даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казань никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешес-
твенник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грехах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить север. Дело в том, что незанесенная на карты держава Рериха лежит так-

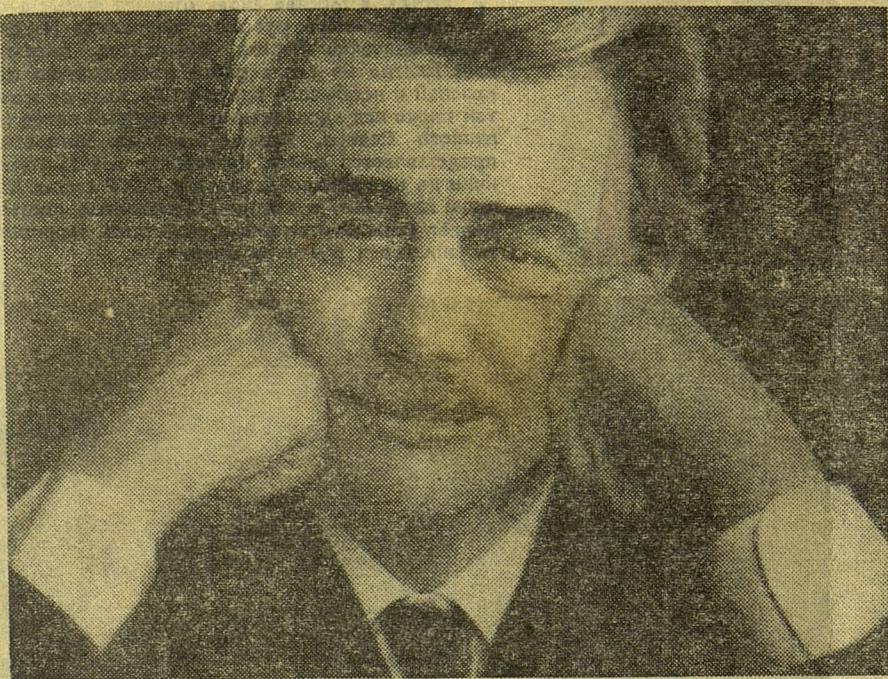
же на севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих — единственный поэт севера, единственный певец и толкователь его мистически-тайной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи.

И еще одно важнейшее можно сказать о мире Рериха — это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю — да и кто знает имя правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единий звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и ее очарование и красоту: то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но если уместна шутка в таком серьезном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

Публикация подготовлена С. Вурдяинским.

ЖИЗНЬ-ТВОРЧЕСТВО

НЕТ больше Нейгауза. Он умер утром 10 октября, в больнице. Ему шел седьмидесят седьмой год, и он по-детски радовался, что родился 12 апреля — «в день Гагарина».

Что вкладывал он в эти слова? Многое, как и все мы. Он так знал жизнь, так понимал и любил ее, умел любить, что новая, даже еще не открытая высота нашей жизни была понятна ему, была родной ему, делала его счастливым. Это был крылатый человек. Другого такого нет. Артур Рубинштейн, его старый друг, сказал на днях, что нигде в мире нет такого Нейгауза.

Нас всегда восхищала молодость этого человека и художника. Молодость настоящая, в самом высоком и радостном смысле этого слова. Рядом с Генрихом Густавовичем к человеку приходило вдохновение. Рядом с ним люди становились умнее, благороднее, талантливее.

Сколько талантов открыл Нейгауз для нашего искусства, скольких людей воспитал, или, говоря его же словами, ввел в область духовной культуры, в область нравственных начал. «Да здравствует индивидуальность, долой индивидуализм!» — вот один из лозунгов Нейгауза.

В «Известиях» и «Неделе» Генрих Густавович не раз выступал как музыкальный критик. Он учил Музыке. В своей маленькой статье в «Известиях» об исполнении «его Рихтером» трех последних сонат Бетховена он написал, что самое высокое в искусстве и жизни есть самое доступное. Он всегда учил этой высоте — высоте отношения к искусству. И всегда был уверен, что именно она нужна всем.

Он был всегда настоящим. Настоящим и скромным. Он оставил нам дизайнерскую книгу — «Об искусстве фортепианной игры». Это название никак не открывает всей глубины труда, который обращен не только к пианистам.

Когда Нейгауз ушел с концертной эстрады, он, до последнего дня продолжая заниматься с учениками, особенно много писал. Он был выдающимся музыкальным писателем, писателем-пропагандистом, высочайшей культуры публицистом.

Нет больше Нейгауза. А мы слышим его слова: «В моей душе уже в отрочестве смутно жило какое-то представление о моральной красоте, нравственной долготе, служении людям, подвижничестве... Этические вопросы, вопросы достоинства, ценности человека, его душевной красоты, духовного величия всегда волновали меня не меньше, если не больше, чем самая прекрасная соната Бетховена или оратория Баха».

МЫСЛИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Профессор Генрих НЕЙГАУЗ

БОЛЬШОИЙ человек — это как бы высшая форма простого, обыкновенного человека, кристаллизация его, наиболее полное его выражение. И где-то в стороне лежит все остальное, все «необыкновенное», так называемые «интересные» люди, «вундеркинды» в бархатных куртках и т. п. Подобная мысль, хотя и в другой форме, высказывалась не раз художниками и мыслителями. Она говорит только о той глубокой, кровной связи, которую чувствует творческий человек с людьми, с народом, со всем миром.

вистость), то и произведения бывают различной ценности, и поэтому критику очень легко определить более слабые произведения художника, беря мерилом его же наивысшие, наиболее вдохновенные творения.

Но, странное дело — время, великий судья, слаживает разницу между наиболее слабыми и наиболее прекрасными произведениями большого художника. Мы учимся все более и более осознавать его как целостную, нераздельную личность, а совокупность его бесчисленных произведений — как одно творение, одно всечеловеческое произведение, одно направление, страсть, одну волю.

ОЧКИ зрения Моцарта», можно читать Бетховена грубым, либо легким и грациозным. С точки зрения бетховенской архитектоники определить Шопена как компоненте владеющего большой формой, некоторые критики пользовались этим непозволительно легким методом суждения. Они не хотят примириться с тем, что на дубу растут желуди, а не яблоки, а на яблоках расцветают розы.

ПОЛНИТЕЛЬ — сложное и противоречивое существо. Он и то, что исполняет, и критикует подчиняется ему всецело, и пытаются его по-своему. В иные минуты он чувствует, что немое произведение — как бы ственное, и он проливает слезы горести, волнения и любви к нему. Вредно знать также, каким образом произведение в кривом зеркале воображения, чтобы тем избежать утирировки, невольнического или не дружеского...

Зиночка пишет

Юрий СОТНИК

Я СЕЙЧАС ПОЙДУ К ТОСЕ, потому что у Тоси вчера болел зуб, она не была в школе, а вчера по арифметике объясняли новое правило — «разложение чисел на простые множители», а Тося пропустила и теперь ничего не понимает, и я должна ей помочь.

Зиночка надела шубку и хлопнула дверью. Через пять минут она стучала в дверь Тосиной квартиры. Ей открыла сама Тося. Ее круглое лицо было красно, темные косы растрепались, глаза смотрели испуганно.

— Ой, Зин! — сказала она отрывисто. — Уже целый час сижу и ничего не понимаю.. Я, знаешь, — боялась, что ты не придешь.

— Сейчас мы с тобой примеры решим, и ты все поймешь. Вот увидишь, через полчаса все-все поймешь. Сколько сейчас времени? Семь? Вот увидишь, в половине восьмого мы все сделаем, и ты все поймешь.

Подруги сели рядышком за стол, на котором лежали раскрытые учебники и тетради. Занятия начались.

— Вот, — сказала Зиночка, глядя в задачник. — Разложить на множители четыреста двадцать. Что мы для этого делаем? Находим наименьшее простое число. А что такое простое число? Это такое число, которое делится без остатка только на единицу

или само на себя. Вот, например, у нас в классе тридцать один человек. На сколько бы звеньев ты наш отряд ни делила, все равно поровну не получится. У нас, например, четыре звена.. В первом, втором и четвертом по восьми человек, а в третьем только семь. Правда, третье звено хоть маленькое, а зато самое дружное. Знаешь, почему? Потому что у них звеньевая Рита Крючкова очень хорошая: она и учится хорошо, и спортсменка самая лучшая.. Знаешь, почему она такая хорошая спортсменка? У нее старший брат — заслуженный мастер спорта. А зато младший брат, Мишка его зовут, так это такой хулиган, такой хулиган, что просто ужас! Я один раз к нему пришла, так прямо сидеть невозможно было: только и знает, что из резинки бумажками стреляет.

— Зин, — переспросила Тося. — Ну, а как же дальше? Четыреста двадцать...

Зиночка придвинула к себе учебник. Ну и вот:

— Надо найти наименьшее простое число, на которое делится че-

Паук Петка и пашинка Ванька

У МЕНЯ появился новый друг — Петка. Петка-паук. Живет он в правом ящике письменного стола. Петка очень подвижной и непослушный ребенок. Его мать, паучиха Пелагея, нещадно лупит Петку за всякие шалости. Мне жаль его: отец Петки, Прокопыч, погиб — на него кто-то случайно поставил пепельницу. Недавно чуть не погиб и мой друг Петка. Вот как это было.

Я ремонтировал будильник, а тут пришел в гости соседский мальчишка

ку и стал заправлять пружину будильника в барабан. Вдруг пружина выпрямилась и со свистом выскочила из рук. Я полез под стол искать пружину. И тут слышу:

— Коси-коси, ножка Э-э-э! Ура!!! Ко-си-коси, ножка, — кричит Ванька, подпрыгивает, хлопая в ладоши. Я вылез из-под стола, смотрю: на циферблате будильника дрыгается нога Петки-паука, а сам он бежит прочь, припадая на бок.

— Ты что сделал? — спросил я.

— Коси-коси, нож...

— Иди домой! — закричал я. — А то сейчас так надаю!

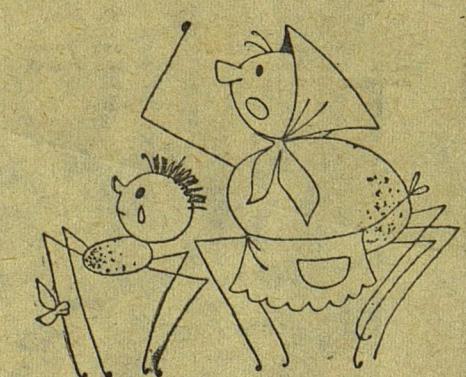
Ваня убежал. Не прошло и нескольких секунд, как передо мной на столе появилась паучиха Пелагея. Она грозно поднимала лапы, а мне казалось, что она гневно кричит: «Кто вам дал право уродовать моего Петку? Разве можно рвать ноги у детей, если даже эти дети паучки!».

— Кто вам дал право... — вдруг заговорил чей-то голос в комнате. Я прискошил на стул. Но тут увидел рассерженную мать соседского мальчика Ваньки. Сам он стоял в дверях и орал, растирая кулаками слезы.

— Он... он у меня яблоко еще отнял... а-а-а-а!!!

— Кто вам дал право?.. — кричала Ванькина мать.

— Я знаю, что не имею права рвать ноги... Ты, черт!.. Не имею права... —

Рисунки Л. Филипповой.

ДЕРЖАВА РЕРИХА.

(Начало на 4-й стран.)

ся ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в своем мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому Пер Гюнту, — даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казань никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что

все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить север. Дело в том, что незанесенная на карты держава Рериха лежит также на севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих — единственный поэт севера, единственный певец и толкователь его мистически-тайинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи.

И еще одно важнейшее можно сказать о мире Рериха — это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю — да и кто знает имя правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли

особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни порох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и ее очарование и красоту: то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но если уместна шутка в таком серьезном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серебряную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; по том пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои парства.

Леонид Андреев.

NEW-DAWN - NEW-YORK

ние сейчас же и во что бы то ни стало, Рузскому удалось

покидают своих гнезд. Пощипав с лихорадочной поспешностью травы, они спешат обратно. Даже приближение человека не может заставить их покинуть гнездо. В один из ясных июльских дней на скользкие яички появились трещинки, и, наклонившись, можно было услышать негромкий лист. Обсохнув, выпутившиеся гусята превращаются в очаровательные пушистые создания, темно-желтые, с черными кловиками, крепкие и независимые. Самоотверженность родителей

тически пустопорожнему месту, именовавшемуся «Ставкой Верховного Главнокомандующего» — и Ставка целиком пошла по плачевному камертону Рузского.

Всю вину свою за все, Рузский свалил на подчиненных. По его настоянию, в 1-ой Армии боевой командующий ген. Ренненкампф был заменен Литвиновым, а во 2-ой Армии Шейдемана заменил ген. Смирнов.

Встревоженное поражениями австро-венгров и своими собственными неудачами у Варшавы и Ивангорода, германское командование перебросило в период Лодзинских боев с англо-французского фронта на наш четыре корпуса: 2-й и 13-й армейские, 3-й и 24-й резервные и всю свою конницу — 7 кавалерийских дивизий.

А. Вонсяцкий.

в этот момент достигает алогея. Громкими и воинственными криками они, казалось, объявили всем,

Пельмени также

БЕРКЛЕЙ:
Yale's Store,
2491 Shattuck Ave.

КОНДИТЕРСКАЯ Д

PARK PRESIDIO BAKER
444 Clement St., bet 5 &

Всевозможные КОНДИТЕ
ДЕЛИК
ПИРОГИ, ПИРОЖКИ,
ОБЕДЫ до 7.
По понедельникам

HAIG'S MIDDLE-EAST

441 Clement St., nr. 6th Av

Импортированные ХАЛВА, РАХАТ-
ОЛИВКИ, ПОСОЛНЕЧНОЕ МАСЛО
Также БАКЛАВА, ВИНОГРАДНЫЕ
ТУРЕЦКИЕ КОФЕЙНИКИ и
ЛОВАШ (армянский)

ЗИН

Zais

Х. 2-6512.

ый ход с 310 Minna St.
ам от 9—9 часов вечера.

2 АВЕНЮ — прекрасные СТАККО ФЛАТЫ, 2 по 6 и 1 — 4 комнаты, дубовые полы, модерн ванная. Задаток \$5,000. № 272.

ДОМ в 6 комнат, полный бейсмент и гараж, пол блока от торговли и сообщений. Задаток \$1,500 или обмен. № 309.

27 АВЕНЮ. Прекрасный ДОМ СТАККО, модерн, 6 комнат и сошел-холл, 2 камина, центральное отопление, отдельный душ.

Задаток \$3,500. № 319.

НОВЫЕ ФЛАТЫ, ультра-модерн. 2 очень большие по 6 комнат, дуб. полы. Прекрасная покупка. Задаток \$5,000 или обмен. № 344. \$16,700. Вблизи 29 стрит, прекрасный ДОМ в 6 комнатах, 1½ ванных, гараж. Небольшой задаток. № 362.

НОВЫЕ ДОМА — для сдачи квартир — обставленные: \$165,00 — де-люкс. Твин Пикс, по 1 спальне, элеватор. пентхауз, прекрасный вид, камни. 4 ч. дня — 830 Корбет. АТ. 2-0881.

CO., INC.

TU. 5-4244.
6033 Geary Blvd. SK. 2-6220.

205 - 10 - 6 2592

та.

25 ноября началось наступление Радко-Дмитриева на Краков. Победоносно шли вперед корпуса нашей Армии. IX-й Армейский корпус блестящим ударом овладел сильно укрепленной Быхвией — преддверием Кракова. Могучий форт был взят с налета, при чем был захвачено 3.000 пленных и 25 орудий.

Развитая 4-я австро-венгерская армия была отброшена в Краков и Радко-Дмитриев решил доканать ее могучим ударом и овладеть потрясенной уже неприятельской твердыней. Но неожиданно, 28 ноября, крылья нашей блестящей победы были подсечены...

Ставка согласилась с преступным и позорным реше-

НОВАЯ ЗАРЯ

Russian Morning Daily News
«NOVAYA ZARYA».

36th Year of Publication
Published daily except
Sunday, Monday and holidays.

Редактор Г. Т. Сухов,
G. T. & M. A. Soohoff — Publishers.
Издатели Г. Т. и М. А. Суховы.

G. T. Soohoff — Editor.
Entered as second class matter
Jan. 10, 1929 at Post Office at San
Francisco, Calif., under the act of
Mar. 3, 1929.

РУССКИЙ МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИН М.

FI. 6-5400.

ВЛАДЕЛЕЦ

Н. И. Буре

the
big
bargain

the
HOOVER
polisher
scrubber

HOOVER
CLEANER

SALE

!

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ. *Новая Заря* "Суббота" 31.04.1967г.

ДЕРЖАВА РЕРИХА.

Сейчас в Москве вновь открыта выставка русского художника Николая Константиновича Рериха. Живописец, посвятивший многие из своих работ изображению прекрасной и необычной природы Востока, он известен также как вдохновенный и мудрый певец былинного Севера. Поэтому весьма интересной представляется сейчас написанная в 1917 году и никогда не опубликовавшаяся в СССР статья Леонида Андреева, в которой знаменитый писатель делает попытку по-своему осмысливать творчество выдающегося русского живописца.

Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так сорока

восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспрепдельна, и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу.

Видеть картину Рериха — это всегда видеть новое, то чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любят профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотою.

И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и веч-

ный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не запесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездили люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и вой-

на — там есть даже пожары, с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и лады... Нет, не наше море и не наши лады: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно посмертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображеный, прозрачно — светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется. (Окончание на 5-й странице.)

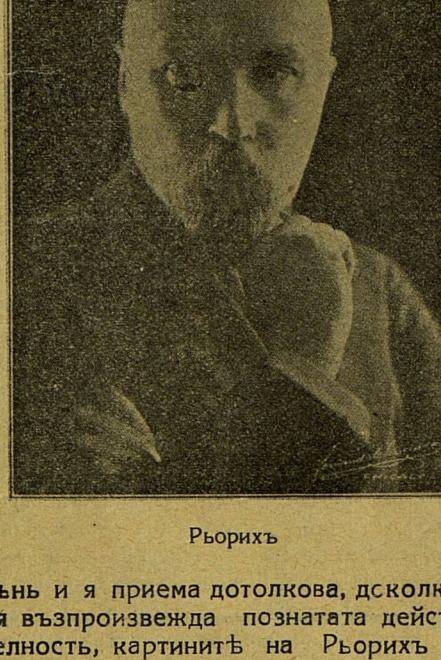
Леонид Андреев.
New-York - NEW-YORK

Знаменитият руски художникъ

Държавата на Ръорихъ

Помествайки изпратението специално за „Литературен Гласъ“ кореспонденции от Николай Ръорихъ, редакцията на вестника, въ желанието си да запознае многобройните свои читатели съ духа и характера на творчеството на знаменития художникъ, предава по-долу последната предсмъртна статия на не по-малко знаменития руски писател Леонидъ Андреевъ, написана на 1919 год. по поводъ откриването на Ръориховата изложба въ Хелзингфорсъ:

... Отъ Ръориха не може да не се възхищавашъ, край неговите драгоценни платна не може да се мине безъ вълнение. Даже за профана, който вижда живописта смътно, като на

Ръорихъ

сън и я приема дотолкова, доколкото тя възпроизвежда познатата действителност, картините на Ръорихъ съ пълни съ странно очарование: тъй свраката се възхищава отъ брилянта, даже не знаеики големата му и особена ценность за хората. Защото богатството на боите му е безпредѣлно, а съ него безпредѣлна е и щедростта, всѣкога неочеквана, всѣкога радваща окото и душата; да се види картина отъ Ръорихъ, — това е всѣкога да се вижда новото, това, където не сме виждали никога и никаде, даже у самия Ръорихъ. Има прекрасни художници, които всѣкога напомнятъ нѣщо или нѣщо. Ръорихъ може да напомня само ония обаятелни и свещенни сънища, които се присънватъ само на чистите юноши и на старците и за мигъ сближаватъ смъртната имъ душа съ свѣта на неземните откровения. Тъй даже не разбирали Ръорихъ, понѣкога не обичайки го, както профана не обича всичко загадъчно и непонятно, тълпата покорно се покланя предъ свѣтлата му красота.

И отъ тукъ пътъ на Ръорихъ — е пътъ на славата. Лувъръ и музея въ Санъ Франциско, Москва и вѣчния Римъ вече съ станали надеждни пазилища на творческия му откровения; и цѣла Европа, толкова недовѣрчива къмъ Изтока, вече отдава данъ на поклонение предъ великия руски художникъ.

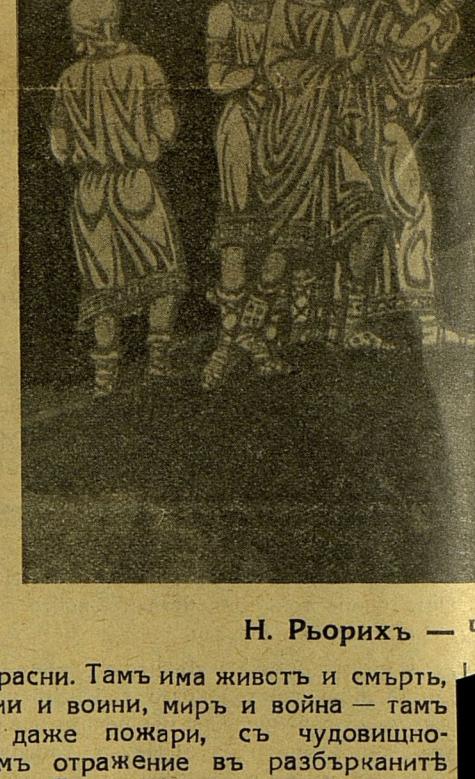
Но ни простодушния, развлънуванъ профанъ, ни художествения сколастъ въ неговия специфиченъ възторгъ предъ майсторството на Ръориха не могат напълно да се насладятъ отъ своеобразния гений на художника, нѣмащъ подобни на себе си: това е дадено само на оня, който е съумѣлъ да проникне въ мира на Ръорихъ, въ великата му държава, който презъ красотата на платната е можалъ да прочете и угадае тѣхния съкровенъ съмѣсь. Ръорихъ не е слуга на земята — той е създатель и повелителъ на цѣлъ огроменъ миръ, на необикновено царство. Колумбъ откри Америка, още едно парченце отъ сѫщата тая позната земя, продължи вече начертаната линия — и него до днесъ го славята за това. А какво да се каже за човѣка, който всрѣдъ видимото открива невидимото и дарява на хората не продължение отъ старото, а съвсемъ новъ, най-прекрасенъ миръ.

Цѣлъ новъ миръ!

Гениялната фантазия на Ръорихъ достига тия граници, задъ които тя става вече ясновидство. Да опиша така своя миръ, както описва Ръорихъ, може самотоя, който не само си го е въобразилъ и си го въобразява, но който го е видѣлъ съ очите си и го вижда постоянно. Образи невеществени, дълбоки и сложни като

сънища той облича въ ясность и красота на почти математически формули, въ изразността на цѣтоветъ, гдето задъ най-неочаквани преходи и съчечания неизмѣнно се чувствува правдата на Твореца. Свободното отъ усилия, лекото като танцъ творчество на Ръорихъ никога не излиза отъ кръга на божествената логичност: на върховетъ на екстаза, въ най-мрачните видения, грозни и многозначущи като заветите на Апокалипсиса — неговия богъ си остава блаженно хармоничния Аполонъ. Странно е да се каже: при изобразяване на своя субективенъ миръ Ръорихъ достига тая степень на обективност, при която най-невѣроятното и немислимото става убедително и несъмнено като самата истина: той е видѣлъ това. Най-високо стъпало на творчество, последна крачка на ясновидство: понѣкога Ръорихъ като че ли фотографирва картини и образи отъ своя несъществуващъ миръ: тъй е той реаленъ... Или той сѫществува?

Да, той сѫществува, тая прекрасенъ миръ, тая държава на Ръорихъ, на която той е единственъ царь и повелителъ. Тамъ има изгрѣви и залѣзи, по-други отъ нашите, но не по-малко

Н. Ръорихъ — Ч

прекрасни. Тамъ има животъ и смърть, светии и воини, миръ и война — тамъ има даже пожари, съ чудовищното имъ отражение въ разбърканите облаци. Тукъ знаятъ много, тукъ виждатъ дълбоко; въ мълчанието на земята и небесата звучатъ словата на божествените откровения. И, зѣбрайки се, може както всички смъртни да по-завидимъ на оня ръориховски човѣкъ, който седи на високия бръгъ и вижда — вижда такъвъ прекрасенъ миръ, и едъръ, преобразенъ, прозрачно свѣтълъ и примиренъ, повдигнатъ на височина на свръхчеловѣческия счи.

И още едно, най-важното, може да се каже за мира на Ръорихъ — това е миръ на истината. Какъ е името на тая истината, азъ не знамъ, — та и кой знае името на истината? — но нѣйното присъствие неизмѣнно вълнува и озарява мисълта съ особена странна свѣтлина. Като че ли е махналъ тукъ художника отъ човѣка всичко нанесено, всичко излишно, зло и което бѣрка, прегърналъ е него и земята съ тѣжния погледъ на любовта — и се замислилъ дълбоко. И се замислилъ дълбоко, прозирали съ нѣщо... иска се тишина, та ни единъ звукъ, нито шумъ да не наруши тая дълбока човѣшка мисълъ.

Такава е държавата на Ръорихъ. Безплоденъ ще бѫде всѣки опитъ да се предаде съ думи нѣйното очарование и красота.

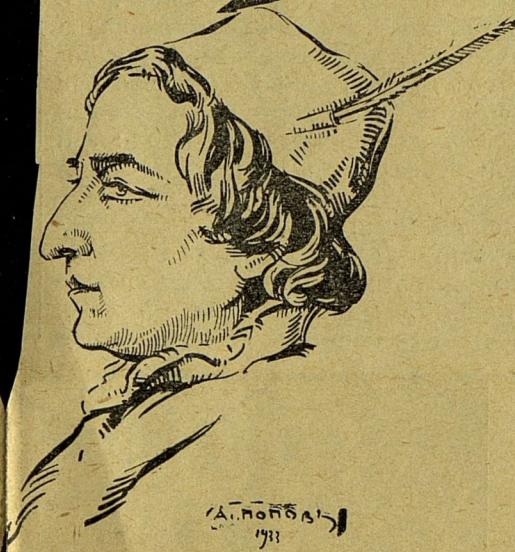
Леонидъ Андреевъ

ОПЕРА

Жулиета"

(I действ.) при който тръбаше да се даде свободен израз на чувството, бъше скован въ един строг ритъм, непозволяващ никаква еластичност; същото и за каватината от II-ро действие, при която тръбаше звучене, изразителен и заразяващ подем на оркестъра. Въ дуeta на II-ро действие липсаше всъкакъв любовен трепет — всичко минаваше равно и безкръвно като по студена мраморна плоча, без силна да отрази неспокойната душа на влюбения Ромео и любовните му радости. Но най-студено, безжизнено и ръзко сухо бъше предадена музиката към IV-та сцена съ дуелитъ, въ която диригента не можа да постигне нужната драматизъм. От тамъ нататък последователно следваше еднообразност, при която диригента не изпълняваше нищо друго, освен шоколски да отмърся тиковете и фабрично да възпроизвежда звучността. Тъй мина андантиното и големият любовен дуетъ, тъй мина и сънть на Жулиета, при която диригента показа най-голема склонност на поетичен усетъ, тъй мина и трагичният край. Този път и хороветъ не бъха на нуждната висота, на която бъха напр. въ „Князъ Игоръ“.

Ако кажа, че операта се изнесе изключително от тенора Петър Райчевъ, който

М. Милкова — Золотовичъ въ ролята на Жулиета и Петър Райчевъ въ ролята на Ромео. — Скици от Ас. Поповъ

„Ромео и Жулиета“ съвсем не се струва да е направено по планът на една строго очертана и изяснена репертуарна политика. Защо? На този въпросъ е излишно да се отговаря — това ще се подразбере отъ само себе си.

Ако съ идванието си въ България г-нъ Златинъ можа да положи максимум усилия за възобновяването на руската опера „Князъ Игоръ“ и ако благодарение на характера на операта съ шумните балети въ нея можа да отвлече съзнанието на мнозина, който да останат слъпци за много нѣща, сега случаятъ съ „Ромео и Жулиета“ е съвсемъ другъ. Съ изнасянето на тази лека и простовата по форма опера, се указа, че г-нъ Мойсей Златинъ е само единъ коректенъ тактувачъ, на когото за жалост липсва всъка възможност за одухотворяване на една музикална творба. Диригента не бъше въ състояние да постигне най-малка художественост, нито пъкъ да прояви единъ мал-

въ нашата опера е най-солидниятъ стълбъ, това ще бъде истина. Партията на Ромео е една отъ големите тенорови партии, съ която той се справи превъзходно и възхитително. Овациите на публиката не стихаха презъ цѣлата вечеръ и този възторгъ бъше предизвиканъ отъ изразителното пѣнене на П. Райчевъ, отъ първокласната му музикална култура и отъ превъзходната му драматична интуиция.

Нали тѣзи качества му донесоха известността на големъ артистъ? Райчевъ бъше отличенъ Ромео въ всъко отношение. Всъко негово появяване на сцената бъше съпроводено съ едно изгрѣване на поетични образи.

Той не пропушта нито единъ моментъ, безъ да го използува въ изразителна, смислена и вдъхновенна игра и пѣнене. На нашата сцена той е единственъ, който създава завършени образи.

Паметно остава изпълнението на каватината (II-ро действие) която той изпѣ съ характерното преминаване отъ речитативъ къмъ отмѣreno пѣнене и съ сърдечна топлота и чистъ гласъ, за която бъше акламиранъ по единъ рѣдко запомненъ начинъ. Отлично бъше пѣнето му и въ IV-то и V-то действие — такова, каквото рѣдко можемъ да чуемъ на нашата сцена.

Твърде добра изпълнителка на Жулиета бъше г-жа Милкова-Золотовичъ. Тази партия е една отъ най-добрите за нея. Съ избѣгането на ефтините ефекти, вмѣквани въ партията и изразявани чрезъ технични подправки, които афектиратъ и подкупватъ широката публика, тя печели много и затова отъ второ действие нататък пѣ въ стилъ, за да оформи въ края единъ миль и непринуденъ образъ. Но у Милкова ценното е друго — тя успѣ да се стѣни отъ себе си и да заживѣ съ други мисли и чувства. Дуетът между нея и Райчевъ бъха пропити съ чисто любовно чувство.

Отличенъ Меркуцио бъше Сѣбъчо Сѣбъевъ; макар и въ малка роля, съ своя звучене, блѣстящъ и изразителенъ гласъ и съ поразително живата си този път игра, той остава единъ отъ най-добрите баритони, каквито сме имали на нашата сцена. Вървамъ, че въ най-скоро време ще се ликвидира съ препятствията, които му се правятъ, за да му бѫдатъ повѣрени коронни баритонови роли.

М. Люцкановъ като че ли съ неохота участвува въ басовата партия на Капулети, но въ всъки случай играта му е съпроводена съ благородство. Гласово би билъ подобре, ако от-

викне отъ разтягането на звуковетъ. Отъ останалите артисти Мазаровъ даде жива и смѣла игра, а Ризовъ задоволяващо. Общо е впечатлението, че липсва режисьорска грижа върху младите артисти. Тъй напр. Ташевъ (отецъ Лоренцо) е оставилъ въ една безпомощност да декламира. Съвѣтли ли е положението му въ I-ва картина на V-то действие, съ речитатива? Имено при речитативъ е нуждно едно драматично действие. Въ гласово отношение Ташевъ има материалъ, който подлежи, обаче, на сериозно обработване. При това положение той не може да интонира соль въ низината. Слабо режисирана е и Н. Тодорова (Стефанъ). Момента на дуелирането, обаче, тя предава добре. Гласът ѝ е живъ и свѣжъ, но още не улегналъ. Артистката прави една груба грѣшка, като къса фразата отъ андантиното. Дори да предположимъ, че на това място въ партитурата има знакъ за поемане на въздухъ — това е грѣшка, която диригента е длъженъ да оправи. Въ случая чудно е защо не е обѣрнато внимание на младата пѣвица, която и безъ това има слабо дишане.

Работата на режисьора Хр. Поповъ не задоволява. Ако режисьорството му върви все тъй, това значи че заставдаме въ ди-летантизъмъ, а това води до една точка на замръзване, следъ която почватъ да се повтарятъ едни и същи нѣща во всъки въкъвъ. Нужно е вече едно премѣстване отъ това положение и очертаване на нови хоризонти. Постановката на първо и пето действие докарва неудобни мизансцени, които спъватъ играта на артистите — това особено личи въ последната картина, дето режисурата не може да издѣржи никаква критика. Режисьора би могълъ да избѣгне и много други нѣща, като напр. стълбата въ II действие (кому не сѫ известни любовните стълби презъ романтизъмъ?) и обстановката на килията на отецъ Лоренцо. Нали режисьора се придѣржа къмъ една реалистична постановка, защо не е последователенъ?

Музиката къмъ IV действ. е изтълкувана слабо. Тукъ режисьорът можеше да осмисли всъко встѫжение на оркестъра, за да раздвижи масовитъ сцени. Още една несъобразителност е тази, че завесата би трѣбвало да бѫде вдигната, когато оркестъра предава съня на Жулиета.

Декоритъ на Миленковъ сѫ неиздѣржани. Малко по-живъ е сцената на последната картина. Романтичниятъ градъ Верона, въ който се развива действието, изисква по други начинъ на работа, а съ сегашната не всъкъ може да се съгласи.

Асенъ Балкански

(Продължение отъ стр. 3)

ва да чувствува законите за пропорциите. Той е създателъ на потрѣбната форма, той е ценителъ на житейския ритъмъ. За него числото, съотношението, не е мъртвъ знакъ, а формула на Битието.

Питагоръ изчислява и твори, и възпѣва въ ритъмъ, и се моли въ ритъмъ, защото въ числата, въ ритъма има не само земна, но и небесна музика — „музика на сферите“. Математика Питагоръ се повтаря отъ Св. Августина богослов: „Pulchra pulchritudo“ (Красотата се плѣнява отъ числото). Тоя магнитъ на числата, пропорциите, съотношенията и техническите съзвучия, необходимъ за въки украсителъ на живота, изключва всъко унисън или раздробяване на великиятъ творчески понятия.

Нѣма да се боимъ да говоримъ съ най-високи слова за всъко проявление на красотата. Грижливото, възвишеното изражение ще бѫде шить на цѣлото житейско изкуство, често изговано въ полумрака на избитъ. Страна, която мисли за бѫщащето, нека пази отъ малко до големо всички тия, на които ще дѣлки оправданието си предъ великия сѫдъ на Културата. Облекчавайки сѫдбата на тия строители на живота, страната на Културата изпълнява само основната заповедъ на прекрасното, тъй красиво изразено отъ античния поетъ:

Os homini sublime dedit coelumque tuegi *).

Благаватъ Гита утвърждава многообразието на творчеството съ високия завѣтъ: „На каквото разстояние се приближи до мене човѣкъ, на това разстояние и ще го благословя“.

Хималайтъ Николай Ръорихъ

* Бетелъ, градъ въ древна Палестина, кѫдето Богъ, споредъ иблията, се е явилъ на Аврамъ и Яковъ. Б. Р.

* Овидий, Метаморфози, I, 85: „Той (Богъ) даде на човѣка лице обѣрнато къмъ не-бето“. Въ своя разказъ за създаването на свѣта, чието начало е цитувания стихъ, поета разказва за създаването на човѣка, възприемчивъ къмъ идеалъ и възвиши съ стремежи. Б. Р.

10

26.03.33

Стр 3

ТЕРАТУРЕНЪ ГЛАСЪ

Стр. 4

ОТЪ СРѢДА ДО СРѢДА

ЛИТЕРАТУРЕНЪ ГЛАСТ

НАРОДНА

and the old, familiar earth converged, and this is so because all those for whom the free sea of dream and contemplation has opened, well-nigh inevitably land at Roerich's shores which are 'not of these parts'.

But for this one must love North. The fact of the matter is that the uncharted realm of Roerich is also situated in the North. In this sense-- but in this only --Roerich is the only poet of the North, the only singer and interpreter of its mystically mysterious soul profound and wise like its black rocks, contemplative and gentle like the pale verdure of the northern spring sleepless and lucid like its white flickering nights. It is not that gloomy North of realistic painters, where there is the end of light and life, where ~~death~~ Death has erected his scintillating throne of ice and greedily looks upon the hot earth with his whitish eyes. Here is the beginning of life and light, here is the cradle of wisdom and of sacred words about God and man, about their eternal love and eternal struggle. The proximity of death merely ~~z~~ lends an aerialness to the contours of this beautiful land, and gives it that light, luminous, almost untrembling, sadness which suffuses all the colours of Roerich's world. For clouds also die! Each sunrise also dies! Only that grass can be as green as Roerich's grass, which knows of the advent of winter and death after the brief summer.

And yet another, most important thing, may be said about the world of Roerich--it is a world of Truth. What the name of this Truth is I do not know but then who knows the name of Truth? Yet its presence invariably agitates the onlooker, and illuminates his thoughts with a peculiar quaint light. One feels as though the artist had rid man of all excrecent, all the superfluous, evil and disturbing elements, had embraced him and the earth with a glance of love--and had sunk into deep meditation, had sunk into deep meditation descrying something... One prays for stillness, lest a single sound, or a rustle, disturb this profound thought of man.

Such is the realm of Roerich.

Any attempt at transmitting its enchanting beauty through words must be fruitless. That which has been thus expressed in colour will not tolerate

9

the rivalry of words and stands in no need of them. But-- if jesting be permitted in such a serious matter-- it might not harm to send a whole grave, whiskered expedition to investigate Roerich's kingdom. Let them survey and measure, let them cogitate and calculate; then let them ~~writ~~ write a history of this new land, and chart it on the maps of human revelations, where only a very few artists have created and fortified their kingdoms.

"Nedelia - The Realm of Roerich" by LEONID ANDREEV

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Леонид АНДРЕЕВ

Р

наши
публикации

ЕРИХОМ нельзя не восхищать ся, мимо его драгоценных по лотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постолку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожи- данная, всегда радующая глаза и душу.

Видеть картины Рериха — это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и ни где, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что снятся лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любят профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотою.

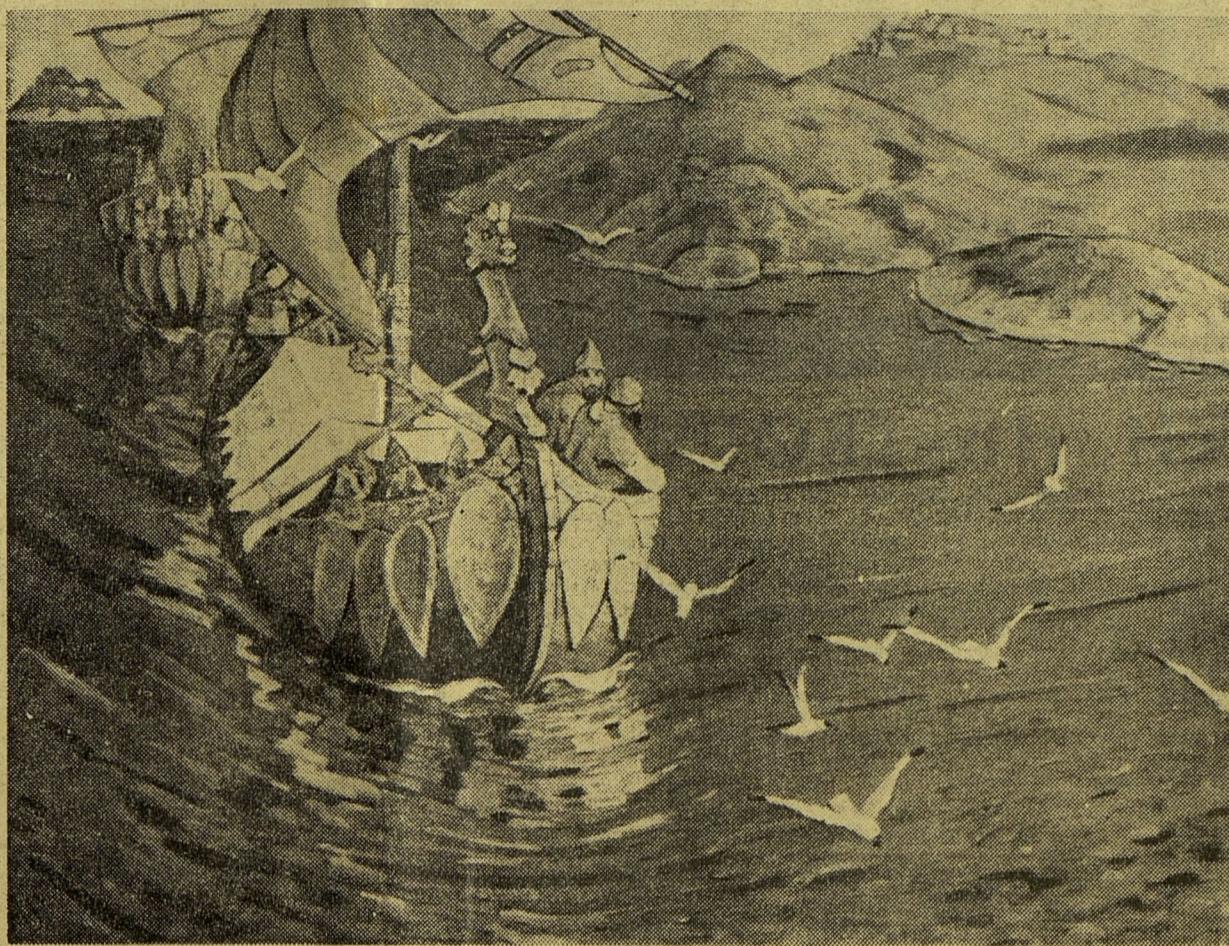
И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих открытий; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, кой он единственный царь и правитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. Чуть потом долго рассказывать о его богатстве и особенности красоте, о его людях, о его страхах, радостях и стра- даниях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святыни и воины, мир и война — там есть даже пожары, с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно посмертному по- завидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображеный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

«Домик Сольвейг».

«Заморские гости».

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рерих как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в

даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому Пер Гюнту, — даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить север. Дело в том, что незанесенная на карты держава Рериха лежит так-

СЕЙЧАС в Москве вновь открыта выставка замечательного русского художника Николая Константиновича Рериха. Живописец, посвятивший многие из своих работ изображению прекрасной и необычной природы Востока, он известен также как вдохновенный и мудрый певец былинного Севера. Поэтому весьма интересной представляется сейчас написанная в 1917 году и никогда не публиковавшаяся в СССР статья Леонида Андреева, в которой знаменитый писатель делает попытку по-своему осмыслить творчество выдающегося русского живописца.

же на севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих — единственный поэт севера, единственный певец и толкователь его мистически-тайничественной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бесконной и светлой, как его белые и мерцающие ночи.

И еще одно важнейшее можно сказать о мире Рериха — это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю — да и кто знает имя правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единий звук, ни шаги не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и ее очарование и красоту: то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но если уместна шутка в таком серьезном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серебряную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих открытий, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

Публикация подготовлена С. Бурдянским.

КОПИЛКА КУРЬЕЗОВ

БИРМингам недавно подтвердил уставшую за ним репутацию самого добродетельного города Англии.

— Мы уже давно заметили, — заявил владелец одного из таможенных магазинов белья и одежды, — что перед нашими витринами собираются толпы зевак, глазеющих на женские манекены, одетые в прозрачные ночные сорочки. Помимо этого могло бы дурно повлиять на нравы, мы решили на палец каждого манекена нацепить обручальное кольцо.

ФРАНЦУЖЕНКА Люси Севе, семидесяти семи лет, по-видимому, является старейшей среди женщин-водительниц. Она еще в 1903 году получила свои права, некоторые тогда носили такое необычное для наших дней название: «Свидетельство об умении управлять машиной, машина которой при помощи неро-

сина» (скорость автомашин в то время не превышала 20—30 километров).

До сих пор она не имела ни одного случая нарушения правил уличного движения.

НЕ ПОЛУЧИВ плату за сделанный им по заказу газон в саду одного из обитателей Моринтона (Арканзас), Джон Дион, городской садовник, разрезал свое произведение на куски, погрузил его в грузовую машину и увез в свой сад.

В ИТАЛЬЯНСКОМ городе Парме, где производится сыр «пармезан», есть несколько специалистов с весьма редкой профессией. Они «слушают сыр». Действительно, чувство слуха у них обострено до предела, и, ударяя по сырому серебряными молоточками, они по звуку определяют, «дозрел» ли он.

...Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования: так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним безпределна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Рериха - это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что снятся лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой.

И оттого путь Рериха - путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику. Сейчас, когда величие и будущность России так страшно колеблется на мировых весах, этот darf художника мы, русские, должны принять с особым трепетом и благодарностью... Но ни простодушный, заволниванный профан, ни художественный сколаст в его специфических восторгах перед мастерством Рериха не могут в полной мере насладиться своеобразным гением художника, не имеющего себе подобных: это дано лишь тому, кто сумел проникнуть в мир Рериха, в его великую державу, кто сивозъ красоту письмен смог угадать и прочесть их сокровенный смысл. Рерих не слуга земли - он создатель и повелитель целого огромного мира, необыкновенного государства. Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную динию - и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невиди-

мое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир.

Целый новый мир!

Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже ясновидением. Так описывать свой мир, как описывает Рерих, может лишь тот, кто не только вообразил его и воображает, но кто видел его глазами и видит его постоянно. Образы невещественные, глубокие и сложные, как сны, он обдаляет в ясность и красоту почти математических формул, в красочность цветов, где за самими неожиданными переходами и сочетаниями неизменно чувствуется правда Творца. Свободное от усилий, легкое, как танец, творчество Рериха никогда не выходит из круга божественной логичности; на вершинах экстаза, в самом ярком хмеле, в самых мрачных видениях, грозных и многозначущих, как вещания Апокалипсиса — его богом остается блаженно гармоничный Апполон. Странно сказать: при изображении своего будущего мира, Рерих достиг той степени обективности, при которой самое невероятное и недуманное, как какие-нибудь "Лесовики" или "Дом духа", становятся убедительным и несомненным, как сама правда; он видел это. Высшая ступень творчества, последний шаг ясновиденья: временами Рерих словно фотографирует картины и образы своего несуществующего мира: так он реален. Странно сказать: вид обретенного города, "фасад" дома Духа!.... Или он существует?

Да он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на каких карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди заграницу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, об его людях, об его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары, с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи.... нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает зем-

ная география, скалы у его берегов, как скрижали завета. Тут знают многое, тут видят глубоко; в молчанье земли и небес звучат глаголы божественных откровений. И, забываясь, можно по смертному позавидовать тому периховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит - видит такой прекрасный мир, мудрый, преображеный, прозрачно светлый и примиренный, поднятый на высоту, сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное об'яснить земным, Рерих как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом Севера. Это мне кажется ошибкой - Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в своем мире и не покидает его. Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются "покорением Казани" или декорациями к норвежскому Перу Гинту - даже и там он "владыка нездешний", продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в презах своих, когда во имя Христа, во имя своей крестьянской, христианской, апостольской России поднимал меч на басурман; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гинт - Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как-бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля - и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к периховским "нездешним" берегам.

Но для этого надо любить Север. Дело в том, что не занесенная на карты держава Рериха лежит также на Севере. И в этом смысле /но только в этом/ Рерих единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистически-тайной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, безсонной и светлой, как его балые и мерцающие ночи. Это не тот мрачный Север художников реалистов, где конец свету и жизни, где смерть воздвигла свой ледяной, сверкающий трон и жадно смотрит на жар-

кую землю белесыми глазами - здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе. Близость смерти дает только воздушность очертаний этому прекрасному миру... и ту легкую, светлую, почти безтrepidную печаль, которая лежит на всех красках рериховского мира: ведь и облака умирают! Ведь умирает и каждый восход! Так ярко зеленеть, как у Рериха, может только та трава, которой ведом за ее коротким летом приход зимы и смерти...

И еще одно, важнейшее, можно сказать о мире Рериха - это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю, да и кто знает имя правды? - но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви - и задумался глубоко, что-то прозревая.... Хочется тишины, чтобы ни единий звук, ни порох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Безплодной будет всякая попытка передать ей ее очарование и красоту: то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но - если уместна шутка в таком серьезном вопросе - то не мешает послать в царство Рериха целую серьезную, бородатую экспедицию для изследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли - и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

Леонид Андреев.

THE REALM OF ROERICH

By Leonid Andreyev

It is impossible not to admire Roerich. One cannot pass by his precious canvas without experiencing a deep emotion. Even for the layman, who perceives art vaguely as though in a dream, and accepts it only insomuch as it reproduces familiar reality, Roerich's paintings are full of a strange enchantment. So does a ⁹ magpie admire a diamond, ignorant of its great and especial value for men. For the wealth of Roerich's colours is boundless, and endless too is his bounty, always surprising, always gladdening one's eyes and mind. To see a Roerich picture means to see something new, something you have never and nowhere seen, not even among Roerich's own works. There are excellent painters who always remind one of some person and some thing. Roerich may remind one only of those charming, sacred dreams which appear to none but pure youths and patriarchs, and for a moment link their mortal souls with the world of unearthly revelations. And so, not even understanding Roerich, at times disliking him, as the ignorant dislike all that is baffling and incomprehensible, the crowd meekly bows down before his radiant beauty.

Hence, the road of Roerich is the road of fame. The Louvre and San Francisco, Moscow and eternal ~~Rome~~ Rome, have already become safe depositories for his creative revelations. All Europe, so distrustful of the East, has paid the tribute of homage to the great Russian artist. At the present moment, when the ¹⁰ grandeur and future of Russia sway so terribly in the world balance, we Russians must accept his gift of the artist with particular trembling and gratitude.

But neither the simple-minded, bewildered layman nor the professional painter with his specific ecstasy for Roerich's mastery, is in a position to enjoy in full measure the peculiar genius of an artist who has no peers. This joy is given only to him who has been able to penetrate into Roerich's world, into his great realm, who has succeeded in divining and reading the hidden meaning of his runes through the veil of their beauty.

Roerich is not a servant of the earth--he is the creator and the sovereign of a whole enormous world, of an extraordinary dominion. Columbus discovered America, another silver of the old familiar earth, he prolonged the line already marked out--and he is still being glorified and praised. Then what shall one say of a man who, amidst the visible, discovers the unseen, and bestows upon us ,not the continuation of an old world, but entirely new, most beautiful world?

A Whole new world!

The genius of Roerich's fantasy reaches the border of clairvoyance. To describe ~~one's~~ one's world as Roerich describes it is within the power of him alone who has not only imagined this world, and continues to imagine it, but who has seen it with his eyes and who sees it continually. Intangible images, deep and complex like dreams, he clothes as it were in the beautiful clearness of mathematical formulas ,in a colourfulness of hues where, behind the most unexpected transitions and combinations, one invariably feels the truth of a Creator. Free from effort, lithe as a dance, Roerich's art never leaves the circle of divine logicalness. On the peaks of ecstasy in the most blazing intoxication, in the gloomiest visions, terrible and full of meaning like the prophecies of the Apocalypse, his god remains the blissfully harmonious apollo. Strange to say, in the presentation of his subjective world, Roerich has attained that degree of objectivity at which the most ~~improbable~~ improbable and unthinkable, for instance his Wood spirits, or House of the Spirit, becomes convincing and indubitable--truth itself, for he has seen it .Here is where one may see the highest grade of creative power, the last step of clairvoyance. It seems at times as though Roerich photographed the pictures and images of his non-existing world-- so real are they. How strange it is to say: The view of a doomed city ,the 'facade ' of a house of the Spirit!.... Does it exist?

Yes, it exists, this beautiful world ,this realm of Roerich, of which he is the sole Tsar and Ruler. Though charted on no maps , it is real and exists no less than the province of Orel or the kingdom of Spain. And as

journey to foreign lands one may journey thither, later to narrate at length of its riches and extraordinary beauty, of its people, of its terrors joys and sufferings, of its skies, clouds, and prayers. There are dawns and sunsets, different from ours, but no less magnificent. There are saints and warriors, peace and war, life and death, there are even conflagrations, with their monstrous reflection on the distraught clouds. There are seas and skiffs--no, not our sea and not our skiffs: our terrestrial geography knows no such wise and deep sea, with rocks and on its banks, that are like the Tables of the Testament. There they know much, there they see deep; in the silence of the earth and of the skies there sound words of divine revelation. And in a moment of distraction one may, in one's mortal way, envy the man Roerich, who sits on a high bluff, and sees--sees! such a beautiful world, a world wise, metamorphosed, translucently brilliant and reconciled, sublimated to the height of superhuman eyes.

Seeking for the familiar in the strange, ever striving to explain the heavenly through the earthly, people generally call Roerich a painter of hoary Varengian antiquity, a poet of the North, intending thus to bring him nearer to comprehension. I deem this an error. Roerich is not a servant of the earth, either in its past or in its present; he is all in his own world, and he does not depart from it. Even when the artist pursues the modest aim of presenting pictures of the earth, when his canvas are named The conquest of Kazan, or ~~Decorations~~ Decorations to Peer Gynt, even then he, 'Sovereign of these parts,' remains the ~~creator~~ of a different world: such a Kazan was never conquered by Ivan the terrible, such a Norway the traveller has never seen.

But it is very possible, that precisely such a Kazan and such a battle did the terrible Tsar see in his dreams, when, in the name of Christ, in the name of his peasant, Christian, apostolic Russia, he raised his sword against the Unbeliever. And it is very possible that precisely such a Norway did the poet, fantast, luckless Peer Gynt perceive in his dreams-- a sweet Norway most fair and beloved. Here it is as though the wondrous world of Roerich